

ПОДМЕНА*

(к событиям вокруг «Словаря русского языка» С.И. Ожегова)

Как иногда важно ходить в книжные магазины. Статью бы эту не стал писать, если бы не зашел. Лето было на излете. Пора жаркая, но приходилось сидеть в прокопченной Москве — приемные экзамены. Будущие мастера словесности. Между экзаменами — поход в огромный книжный магазин, что напротив Моссовета. Совсем не хуже, чем за границей. Какое разнообразие, сколько разных, когда-то стоящих в дефиците или «самиздате» книг и сколько заинтересованного народа. Ой, надо потерпеть объявлять нашу страну нечитающей. Может быть, «толстые» журналы, которые уже давно запятнали себя снобизмом и групповщиной и не читают? Но не это тема моей статьи, которая и не написана бы была, если б не этот случайный поход. Но сузим панораму обзора прилавков, учебников, лиц, обложек книг, плакатов и объявлений. Сфокусируемся на одной книге, к которой, кстати, прикреплен небольшой аншлаг «Лучшая продажа июля» — С.И. Ожегов. Словарь русского языка». Это не по его ли поводу пару — тройку месяцев назад кипели страсти в газетах, писали статьи и поминали разные слова?

* Статья эта была написана осенью 2003 года и тогда же передана для опубликования в «ЛГ». Отделом науки газеты она была решительно отвергнута, не помогли хлопоты самого главного редактора.

А ведь были, помнится, времена, когда «ЛГ» печатала полемические материалы на одной полосе под рубрикой «Два мнения по одному вопросу». Где те времена? Увы!.. Такова теперь практика «оплаченных страниц» общественного издания. Автор.

Открываю словарь — «Под общей редакцией проф. Л.И. Скворцова». Тот самый, даже не скажу новый, скажу «Ожеговский» словарь. Мне бы раньше надо было написать эту статью на правах давнего друга этого Л. И. Скворцова, проректора нашего института, ученого, лектора, повторяю, — друга, но тогда шли не вступительные, а переводные экзамены, защиты диплома. А может быть, я втайне для себя ждал этой бирочки «лучшая продажа»? Покритикуем себя за трусость. И потом, насели на бедного Скворцова такие люди, с такими именами, что невольно заробеешь. В «Литературной газете» в июле этого года тоже была статья, почти инвектива, может быть, с нее и начнем? Какие имена!

Е.П. Чельшев, академик РАН, зам. председателя Совета по русскому языку при правительстве РФ, специалист по индийским литературам направления социалистического реализма;

Ю.Н. Караулов, член-корреспондент РАН, директор Центра русского языка Московского лингвистического университета, финно-угровед, специалист по семантическим полям и структурам (идеографии);

В.Г. Костомаров, академик РАО, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Госинститута русского языка им. А.С. Пушкина, специалист в области методики преподавания русского языка как иностранного и языка СМИ;

Я.Н. Засурский, декан факультета журналистики МГУ им.М.В.Ломоносова, специалист по современной американской литературе. Титулы высокие, имена звонкие, но кто из них имел хоть какое — то отношение к составлению, редактированию или хотя бы рецензированию толковых словарей русского языка? Нет, начнем с сути дела.

Перед самой войной, будучи одним из главных авторов-составителей «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова в 4-х томах и ведя исследовательскую работу, профессор С.И. Ожегов, так и не ставший, кстати, академиком, — но академия, как известно, действует у нас по своим, очень таинственным и изысканным правилам, — итак, профессор С.И. Ожегов начал готовить свой однотомный толковый словарь, вышедший 1-м изданием в 1949 году. Интересно, что почти немедленно этот словарь, так же, как словарь Даля и словарь Ушакова, сделался у нас широко известным, популярным и привычным. Как пиво «Очаковское» в наше время. Бренд. Запомним это слово. Профессор Л.И. Скворцов — ученик С.И. Ожегова. И это запомним. После шести или семи изданий, после смерти С.И. Ожегова, в издании словаря наступила пауза. Но потом издательство «Русский язык» решило возобновить выпуск этой полезной и любимой в народе книги. Здесь ничего не поделаешь: русский народ всегда был народом литературоцентричным. Вот так и вышло первое после смерти Ожегова издание словаря. По счету 9-е. Редактором его по предложению ученика Ожегова Л.И. Скворцова стала Шведова, тоже человек, близкий к покойному ученому. Шведова и Скворцов, кстати, работали тогда в одном учреждении — Институте русского языка АН СССР (ныне им. В.В. Виноградова) на Волхонке.

Теперь пропущу годы и годы, издание за изданием, всего их было 23 и сразу же перейду к знаменитой русской народной сказке. Сказки иногда лучше, чем что бы то ни было, отражают типичные русские сюжеты. «Была у лисы избушка ледяная, а у зайца лубяная». Покойный Ю.В. Трифонов очень здорово осветил эту, опять-таки чисто русскую, я бы даже сказал советскую, тему — «Обмен». Этот долгий и мучительный обмен, как и положено нашему осторожному и коварному времени, шел довольно долго. Последний выпуск знаменитого словаря с указанием одного автора произошел в 1990-м году, а уже через два года, с 1992-го, авторов стало двое — С. И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Это случилось через тридцать лет после смерти знаменитого филолога. Что произошло?

Я отчетливо понимаю психологию Шведовой, ставшей на многие годы почти хозяйкой словаря. Она в нем обжилась, занялась, как опытная хозяйка, ремонтом, усовершенствованиями. В какой-то момент ей, возможно, даже показалось, что она все это и придумала, конструкцию, принцип хода словарных статей, интонацию всего словаря. Она стала вносить свои поправки и корректуры. Наверное, каждый редактор и продолжатель вносит свои корректуры. Но не каждый съемщик квартиры, не каждый обменщик получает право на прописку и право на жилплощадь. В конце концов, может быть, формально основная ценность словаря заключена в его бренде, в прославленном имени покойного филолога. Но с 1992 года бренд изменился, на верхней строчке титульного листа появилось два имени: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Я невольно подумал, какой мог бы состояться удивительный курьез, если бы профессор Бодуэн де-Куртенэ, редактировавший 3-е издание словаря Даля и тоже кое-что туда внесший, поставил свое имя рядом с именем исконного автора. А не выходит ли уже у нас и словарь Ушакова под двумя или тремя фамилиями?

Для такого энергичного демарша — поставить свою, не на слуху, но академическую фамилию — к этому времени Н.Ю. Шведова стала академиком РАН — рядом с неакадемической, но знаменитой фамилией Ожегова у академика РАН были свои весомые основания. Что там у нас по этому поводу говорит авторское право? А авторское право говорит, что если в какое-либо произведение добавить тридцать процентов свежего материала да изменить название, то все произведение как бы становится новым, и значит мы будем иметь новое произведение. Представим себе теперь, что академик Посохин добавил бы сзади, на Васильевском спуске к Храму Василия Блаженного еще одну паперть, некий помост, с которого могли бы играть современные музыканты во время избирательных концертов, то в сокровищницу мировой архитектуры мог попасть еще один новый памятник. Это выглядело бы как храм Покрова на рву, с приделом Василия Блаженного и папертью. Авторы: Посохин и Посник Барма. В принципе это не воспрещено никому. Можно ценить Пушкина, Данте Алигьери, есть еще свободный Толковый словарь Ушакова и много других произведений и имен, кото-

рые являются самыми популярными брендами. Как хорошо сказал Набоков о том, как важно для писателя или творческого человека, когда история хотя бы полой своей шинели касается его имени!

Но что же, все-таки, добавила академик Шведова в «свой» с профессором Ожеговым словарь? Ее поправки и дополнения можно разделить на несколько групп.

Группа первая — вмешательство в авторский текст Ожегова. Пример. Слово «ватка» толкуется Ожеговым как «кусочек ваты». У академика возникает некая подробность «кусочек медицинской ваты». Ценное дополнение.

Группа вторая — страсть к энциклопедизму. Возьмите к примеру слова «ген» или «близнецы» и вы убедитесь, что их толкование полностью повторяет толкование в БСЭ и в энциклопедических словарях и справочниках. Стоп, здесь отметим, что при жизни С.И. Ожегова Большая Советская Энциклопедия еще не начала выходить. Новаторство.

Группа третья, самая, наверное, значительная — политические термины. Здесь столбовая дорога, ведущая к искомым тридцати процентам.

Объяснение термина «военный коммунизм» занимает двенадцать строк словарного столбца в «совместном издании» против трех строк в сокровенно Ожеговском. Расширение смысла.

Группа четвертая — уточнения к карте народов мира. В Ожеговском словаре каждое толкование названия народов мира, в частности славянских, началось с указания на происхождение и язык. Например: «Болгары — южнославянский народ, составляющий основное население Болгарии», «Русские — восточнославянский народ, составляющий основное население России». В этой четвертой группе терминов академик Шведова делает минус поправки. И получается: «Русские — народ, составляющий основное население России». Мне лично мало, я не могу жить без своих корней и своей истории.

Группа пятая — уточнение к наименованиям лиц и к терминам, но со знаком плюс. Вот, например, появляется в новом издании словаря слово «юдофоб» с энергичной пометой «то же, что антисемит». Но вы попробуйте найдите слово «русофоб», столь же часто употребляемое в современной российской публицистике. Этого слова, как ни странно, в словаре нет. Какой же здесь «плюрализм»? Словечко тоже, кстати, появилось в «новом» словаре с неожиданным значением «философское учение, согласно которому существует несколько (или множество) независимых духовных начал бытия». Только «духовных начал»? Ась? Какой же это тогда плюрализм? А не заглянуть ли тогда лучше по прямой, так сказать, специальности — в философский словарь! И поправить такое «широкое» определение.

Ну ладно, это все вопросы толкований, престижа, этики. Нам ведь, читателям, все равно: «Словарь Ожегова-Шведовой» или просто «Ожегова...»? Ну, наследники возмутились: почему кто-то пользуется не только «брендом» семьи, но и деньгами? Боюсь, что не только деньги

здесь важны. Читателю не совсем всё равно. Читатель, конечно, не всегда на уровне сознания отдает предпочтение тому или иному явлению, но интуиция его редко обманывает. Заметили ли мы все, что все чаще и чаще, если касается «простого продукта», покупатель отдает предпочтение продукту русскому, отечественному. Это в основном касается продуктов питания — мяса, колбас, овощей, консервов. Но процесс этот ширится. На Ломоносовском проспекте в Москве очень успешно работает магазин, который так и называется «Отечественная мебель». В общем, и читатель уже отдает предпочтение «отечественному» и по преимуществу отстоявшемуся, уже имеющему определенную репутацию. А сколько за последние 20 лет появилось разных, в том числе и претендующих на объемность словарей, но что мы там, широкая масса читателей и, с легкой руки родителей, студентов помним? Опять же те самые названия — Даль, Ушаков, Ожегов.

Давайте уже не «перестраивать» то, что имеем. А так, как обычно. Хотели как лучше, а не сделали или не сохранили даже того, что было всегда.

Теперь попробую коснуться деликатного момента. Только ли «денежный вопрос» интересовал наследников, сына и дочь С.И.Ожегова, людей не только по родству, но и профессионально связанных с нашей культурой. Как мы могли видеть, — нет. Слишком уж они долго терпели дописки, поправки, дополнения к Словарю своего отца — одной из самых знаковых работ в русской культуре. Но вот когда носители знаменитой фамилии увидели, что у них появляется новый родственник в лице академика, когда обнаружили, что прославленный бренд, звонкий, как герцогский титул, начал приобретать иные, расширенные формы, вот тут эти сын и дочь позаботились, чтобы одно из издательств вернулось к первоначальному, строго, без самоволия отредактированному варианту. Мысли об утраченных гонорарах, об экспрессивном соавторстве, о подмене бренда, состоявшего из одного автора, брендом, состоящим из двух, — это всё мои домыслы. Так же как и грустные соображения о налогах и авторских отчислениях, — всё это тоже мои домыслы, но одновременно и вопросы, которые ждут ответов. Что там у нас в этом случае утверждало римское право — ищи кому выгодно? Отложим эту работу, вернее, переадресуем ее, с согласия наследников, компетентным органам.

Но почему по этому поводу, очевидному любому, даже не владеющему филологическими навыками человеку, вдруг возникает некая «волна». Зная характер нашей публицистики, работающей порой на заказ, можно было бы предположить, что здесь, как и в случае, скажем, с нефтью или имуществом, возникают «деньги». Но не только они.

Любопытно то, что в письме, которое подписано тремя академиком, есть подпись декана факультета журналистики Московского университета (ну, декан понятен: в это время идут выборы в академию, декану нужны голоса). Правда и деканские страдания — да простят

меня за длинное отступление — кончились пустыми хлопотами. На филологическом фронте в академии развернулись такие страсти и склоки, что президиум, наблюдая за борьбой филологических группировок, отобрал у гуманитариев место и отдал физикам. И вот четверо вполне достойных и известных людей стали, защищая честь мундира академика, «критиковать» нового редактора «канонического» словаря С.И. Ожегова — Л.И.Скворцова. Много ли великолепная четверка нашла промашек? Видимо, немного, потому что одни и те же примеры переходили из статьи в статью. Стоит ли здесь их приводить? И стоит ли доказывать, что редактор Словаря человек компетентный?

Отмечу с горечью, что «письмо четырех» переполнено передержками, подтасовками, а то и прямыми инсинуациями или заклинаниями вроде «проигнорировав волю автора», « дискредитирует имя С.И. Ожегова», «компрометирует имя Ожегова», «искаженный текст» (не приводя ни одного примера «искажения»); «правка непоследовательна, небрежна, часто случайна» (опять-таки без подкрепления убедительными фактами и цитатами). Главное — навесить ярлыки, да покруче. Выходит, титульный редактор 24-го издания Ожеговского словаря — случайный в этом деле человек? Вовсе нет: Л.И.Скворцов — ученик проф. С.И.Ожегова, после его смерти он 20 лет руководил сектором культуры русской речи Института русского языка РАН. Вместе с Н.Шведовой он готовил 9-е, посмертное издание Ожеговского словаря (об этом говорится в «Предисловии» от издательства «Русский язык» во всех изданиях словаря 1972-1988 гг.). Он много сделал для увековечения памяти своего учителя: издал ряд статей и даже в издательстве «Просвещение» книгу «С.И.Ожегов» (серия «Люди науки»). Он же подготовил и издал сборник его трудов: С.И.Ожегов. «Лексикология. Лексикография. Культура речи».

Ну так почему, собственно, решили академики и примкнувший к ним декан написать это письмо? Я внимательно обнюхал его со всех сторон, пытаюсь найти в нем блестящие выдающегося стиля, который, по идее, должен быть свойствен пестуну всей нашей журналистики — и демократической и другой: увы, увы мне, бедному! Все эти блестящие утонули в сплошной функциональности. Неправое дело редко рождает красноречие, скорее, закралось коварное подозрение, что, привыкнув за долгие годы иногда ставить свое имя под авторским коллективом, академики и нынче подмахнули чужой или правленный трудолюбивыми помощниками текст.

Но ладно, Бог с ними, с красотами текста. Я могу выстроить такую модель. Кто-то уговорил, упросил, по-женски воздействовал на великолепную четверку — дескать, выручай, ермилка! Кому и зачем это надо? И здесь позволю себе прямо не отвечать на вопрос, а пуститься в одно сугубо традиционное русское рассуждение.

А действительно, разве у нас в России так ценится решение суда, высказывание элиты, утверждение телевидения? Вон Чубайс утверждает, что все будет хорошо, реформирует, а цены на электричество

растут. Или Греф при каждом телевизионном свидании с президентом декларирует о количестве процентов, на которые вырос валовой доход, а разве лучше стали жить в деревне, в провинции, разве меньше стало у нас беспризорных? А если говорить современным языком прессы, у общественного мнения своя точка зрения. В России вообще очень важна эта точка зрения народа, точка зрения общества, то, что говорят не возле трона, а в поле, на паперти или возле колодца. Вот попытка академиков и примкнувшего к ним декана и есть попытка, добрая в своей основе и, может быть, даже гуманная, — сбить это общественное мнение, легализовать подмену, возможно из соображений корпоративных, идущих от широты взгляда, плюрализма духа. Но этого не получилось. Важно еще и независимо от достоинств и достижений — полюбит ли какое-нибудь явление или какую-нибудь личность народ. Два имени на одном словаре народу не понравились. Вот и проголосовали заодно «лучшей продажей июля».